

ВПЕРЕД, К НОВЫМ ЦЕНАМ!

Ведь в чем сила моих фельетонов? Помимо публицистического жара и ярких всплесков литературного толка, им присуща высокая эффективность. Не сковырывают, скажем, в городе лед с тротуаров. Я пишу фельетон, и тут же... наступает весна. Написал фельетон о преступности. И тут же, пока шел по переулкам домой, с меня даже куртки не сняли. Покритиковал в фельетоне М. С. Горбачева, и тут же... его заменили Б. Н. Ельциным. Очень во мне высокая эффективность!

Но, конечно, постигают и неудачи. А год назад так и вовсе опростоволосился. Не удалось мне хотя бы «колесо истории» повернуть вспять.

То есть ровно год назад в январском номере нашей газеты я опубликовал фельетон «Как хороши, как свежи были... ананасы». Он приятно ласкал глаз своими художественными достоинствами — метафоры, анафоры, фигафоры. Подкупала и ментальность интеллекта.

Но особенно мне удалось сарказм. Думаю, даже Эрнст Теодор Амадей Гофман не отказался бы, например, от такой сарднической сентенции: «Если я еще хоть раз увижу в витрине магазина колбасу по 173 рубля 92 копейки, я не за-

видую этой витрины». То есть, если я еще хоть раз увижу такую бессмысленную цену, я все витрины раскоччу.

Вы, наверное, заметили воле магазинов очереди. Это люди собираются в ожидании, когда же я начну витрины колотить?

А ведь я, кроме хорошего, ничего плохого не имел в виду. Если кто-то не помнит наизусть тот фельетон, могу освежить его в контексте эпохи.

Мне, например, тогда показалось, что ветчина по 400 рублей за килограмм — это насмешка, да и «Жигули» по 1.000.000 рублей за тонну — тоже дороговато. Хорошо, ваше право сегодня надо мнить смеяться и хохотать. Но если вы все предвидели, то зачем же вы прислали тогда столько подбадривающих меня откликов на тот фельетон? Могли бы указать автору на то, что он глупышка. Или хотя бы внести в Конституцию поправку, запрещающую печатать наивные фельетоны.

Я, помню, удивился, что 2 января цены на базаре были значительно ниже, чем в государственных магазинах. Да, я легкомысленно не учел, что базарное нахальство не сразу опередит государственное. Но если

вы знали, что сегодня литр молока в магазине будет стоить 30 рублей, а на базаре — 250 рублей, почему же вы не поставили автора на место? Видимо, я не футуролог. Но почему общественность меня не поправила? Особенно та ее часть, которая может покупать на базаре. Я бы обязательно прислушался.

Да, я возмущался тем, что в реальном исчислении зарплату надо делить на десять. Но я же искренне возмущался, я не кривил душой. Поверьте мне, я действительно не знал, что сейчас зарплату придется делить, как минимум, на сто. Я не вводил вас в заблуждение, я просто заблуждался вместе с вами.

Не стану от вас скрывать, видимо, год назад я показался себе очень умным. И поэтому саркастически удивлялся глупому человеку, который целый день продаёт иностранный ананас по какой-то научно-фантастической цене. Теперь он поумнел и продает за эту же цену не большой ананас, а маленькую пачку иностранных сигарет. Поумнел вместе с ним и я, то есть перестал удивляться.

Сегодня мне, конечно, конфузно. Но тогда, год назад, я

очень постарался глубоко копнуть политику цен. Я просто всех довел до иступления вопросом: почему 1 килограмм ветчины стоит именно 1.023 рубля? Не 10.230 рублей или, скажем, не 1.023 рубля, а именно 1.023 рубля. Кто эти цены устанавливает? И выяснилось, что никто этого не знает. Даже сами «продавцы». Им просто такая цена померещилась.

И это единственный тогдашний вопрос, на который я сейчас получил ответ. Новый премьер-министр заявил, что отныне он сам будет устанавливать цены. Интереснейший «рынок» у нас получится, где цены будут назначать лично премьер-министр. Я думаю, ему надо бы посоветоваться. Нет, не обязательно с директором Международного валютного фонда. Можно и просто с директором Тишинского рынка. Уверяю вас, он получит очень прелюбопытный совет.

Я, помнится, год назад пригрозил, что по бессмысленным ценам никто покупать не будет. И даже проиллюстрировал свою бунтарскую мысль. В Иркутске тогда из 1.200 килограммов колбасы 2 января было продано лишь 5 килограммов. В Курске — 14 килограммов мяса. В Ярославле протухло 60

тонн невостребованной сметаны. Очень мы тогда митингово были настроены — нам и еды не надо, дайте только с трибуны повыступать.

Но, оказалось, я привел бесперспективные примеры. Как говорится, у нас в хозяйстве ничего не пропадет, че в цепе, дескать, счастье. И сегодня мы имеем возможность наблюдать сплоченные в едином порыве очереди. И за говядиной по 350 рублей в магазине «Тверской», и за «круиной с костями» по 627 рублей в магазине на Алтуфьевском, и за яйцами по 150 рублей, правда, за целый десяток, но зато в любом магазине.

И это, кстати, единственное, что еще год назад мне удалось предугадать: «Впрочем, я, наверное, привыкну к хлебу, молоку, картошке. Да и к ценам на них привыкну». Правда, зачем-то невпопад добавил: «Ну все-таки хоть по более-менее разумным ценам». Вот если бы я тогда эту фразу не въянул, мог бы сегодня и за умного сойти. Не состоялось! Опростоволосился я, бедняга, с тем фельетоном.

Ладно, хватит предаваться воспоминаниям о временах, когда ничего не было, но все было уже тоже дорого. Как поется в песне: «Нам ли стоять на месте?» Вперед, к новым ценам!

Эдуард ГРАФОВ.